

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Сборник статей
XXX Международной научной конференции
(16–19 сентября 2019 г.)

Ответственный редактор
доктор педагогических наук, профессор *С.К. Гураль*

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

О.Б. Панова, А.В. Хасанова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

**«Смерть в Венеции» Т. Манна:
к вопросу об интерпретации и переводе
On the Question of the Interpretation
of Death in Venice by Th. Mann**

Аннотация. В статье рассмотрена проблема интерпретации новеллы Т. Манна «Смерть в Венеции». Перечислены знания и умения, которыми должен обладать переводчик. Сопоставлены переводы отдельных фрагментов произведения.

Abstract. This paper considers the interpretation of Th. Mann's Death in Venice. The author lists the pieces of knowledge and skills which a translator may have. Several examples of two translators' works are compared.

Переводы классики позволяют актуализировать её. Общеизвестно, что каждый переводчик, интерпретируя произведение по-своему, в определенной степени играет роль автора. В 2017 г. был издан новый перевод новеллы Т. Манна «Смерть в Венеции», выполненный М. Рудницким. Каждый новый перевод текста требует его переосмысления. Чем больше он отдален от оригинала во времени и пространстве, тем более глубокие изыскания нужно провести, тем подробнее и объемнее, возможно, будет комментарий для читателей. В данной статье рассмотрен вопрос о том, какими знаниями должен обладать человек, который берет на себя перевод «Смерти в Венеции» Т. Манна. Помимо оригинала, автор обращается к переводу Н. Ман и к фрагментам перевода М. Рудницкого.

В ходе прочтения текста было отобрано более 20 цитат, напрямую отсылающих к античности. Несмотря на то, что последний перевод был выпущен через 115 лет после оригинала, срок, несравнимый с удаленностью от нас Платона и Ксенофонта, Т. Манн находится значительно ближе к ним, чем современный человек. Манн, как и его герой, принадлежали к уходящей классической культуре. Соответственно, для полноценного понимания новеллы нашим современником нужно сначала ввести его в тот контекст, в котором Густав фон Ашенбах находился органически. Для переводчика это означает если не обширность комментария, то необходимость поднять текст до

уровня читателя с определенной подготовкой. Впрочем, в переводе Н. Ман, по выражению Рудницкого, «отразилось... стремление сделать Томаса Манна доступнее самым широким читательским кругам». Так или иначе, сам переводчик должен обладать глубокими знаниями в области античной культуры. В качестве примера можно использовать следующий фрагмент:

«Aschenbach lächelte. Nun kleiner Phäake! dachte er. Du scheinst vor diesen das Vorrecht beliebigen Ausschlafens zu genießen. Und plötzlich aufgeheitert rezitierte er bei sich selbst den Vers: «Oft veränderten Schmuck und warme Bäder und Ruhe» [1. S. 27].

Пер. Н. Ман: «Ашенбах улыбнулся. "Ах ты, маленький феак! – подумал он. – Тебе, не в пример сестрам, дано преимущество спать сколько угодно". И, внезапно развеселившись, мысленно процитировал: «Частая смена одежд и покой, и нагретые ванны...» [2. С. 261].

Пер. М. Рудницкого: «Ашенбах улыбнулся. «Ах ты, сибарит, маленький феак! – подумал он. – Похоже, тебе, не в пример сестрицам, дозволено спать сколько угодно». И, вдруг развеселившись, процитировал про себя: «Ванны горячие, смену одежды и мягкое ложе» [3].

Чтобы понять иронию Ашенбаха, верно интерпретировав словосочетание «маленький феак», переводчику следует обратиться к словарю, например: «Богатый, веселый, беспечный, одаренный всеми благами роскошной природы феакийский народ вел блаженное существование: ни борьба, ни тягости жизни не омрачали его безмятежного счастья. Сами боги покровительствовали ему...» [4. С. 399–400]. Затем – к древнегреческому эпосу или «Одиссее» для уточнения: «Любим всем сердцем пиры, хороводные пляски, кифару, // Ванны горячие, смену одежды и мягкое ложе» (Пер. В. Вересаева. Песнь восьмая) [5. С. 90]. Наталией Ман, возможно, эта фраза просто переведена с перестановкой слов. Выбран «покой» (Ruhe), а не «мягкое ложе», как в наиболее известных переводах «Одиссеи»: Вересаева, Шуйского. Жуковского. Немецкий вариант «Одиссеи», к которому обращался Т. Манн, был издан в конце 18 века в переводе И.Г. Фосса. На примере одного фрагмента становится очевидным, что данный перевод невозможно выполнить германисту, незнакомому с культурой античности: Цицерон; статуя «Мальчик, вытаскивающий занозу»; «Одиссея» Гомера; «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта; Элизиум; персонажи мифов: многократно упоминаемые Амур и Эрот, Ахелой, Ганимед, Клейт, Кефал, Орион, Гиациант, Зефир, Нарцисс; «Федр»

Платона. Соответствующая лексика: эфир, психагог, вакханалия, то есть сон Ашенбаха, «итог его мифологических ассоциаций и аналогий, – как автору для описания Дионисийских мистерий требуется знание реалий, так и переводчику необходимо понимать суть этого празднества [6. С. 25]. Можно заметить, что особое внимание Манн обращает на мифы и произведения древнегреческих и латинских авторов.

В новелле постоянно встречаются христианские мотивы – основные персонажи исповедуют эту религию, действие происходит в границах христианского мира. К примеру, в описании двух архитектурных сооружений: византийской часовни в Мюнхене и собора св. Марка: «...das byzantinische Bauwerk... lag schweigend im Abglanz des scheidenden Tages. Ihre Stirnseite, mit griechischen Kreuzen und hieratischen Schildereien in lichten Farben geschmückt, weist überdies symmetrisch angeordnete Inschriften in Goldlettern auf, ausgewählte, das jenseitige Leben betreffende Schriftworte wie etwa: »Sie gehen ein in die Wohnung Gottes«... im Portikus, oberhalb der beiden apokalyptischen Tiere, welche die Freitreppe bewachen...» [1. S. 4].

Пер. Н. Ман: «...в отблесках уходящего дня безмолвствовало византийское строение часовни. На его фасаде, украшенном греческими крестами и иератическими изображениями, выдержанными в светлых тонах, были еще симметрически расположены надписи, выведенные золотыми буквами, – речения, касающиеся загробной жизни, вроде: “Внидут в обитель господа”... повыше двух апокалиптических зверей...» [2. С. 243–244].

Пер. М. Рудницкого: «...византийская часовня-покойническая, каменя в полусвете уходящего дня, хранила непреклонное безмолвие. На фасаде ее, украшенном греческими крестами и аляповато-яркими сакральными изображениями, сверкали золотыми буквами симметрично расположенные письма – многомудрые напутственные речения о загробной жизни, вроде: «Внидут в обитель господа»... чуть повыше двух... апокалиптических зверей...» [3].

В небольшом отрывке содержатся несколько выражений, которые могут вызвать трудности у того, кто не знаком с понятиями данной религии и с соответствующей терминологией: hieratischen Schildereien, die Wohnung Gottes, apokalyptischen Tiere. «Licht» в основном значении – не «bunt» или «grell», тем не менее Рудницким «сакральные», не «иератические» изображения названы аляповато-яркими, что подчеркивает невозможность однозначной интерпрета-

ции текста. Перевод не целой главы, но половины абзаца подводит исполнителя к погружению в культуру Византии/исследованию византийской культуры. Также в новелле упомянутый святой Себастьян и его история, а также размышления Ашенбаха в гондоле, везущей его на Лидо, «в Аид», сводят воедино античные и христианские мотивы [2. С. 257].

Работая со «Смертью в Венеции», переводчик не может не обратить внимания на время создания произведения – 1911 год, канун Первой мировой войны, империализм, закат классической эпохи. Т. Манн, повинувшись духу времени, включил соответствующий эпизод для создания более полной картины: «Но едва он заметил русскую семью, которая усердно там благодушествовала, как на лицо его набежала туча гневного презрения... Он потупился, потом еще раз обернулся, словно угрожая, передернул плечом, отмахиваясь, отстраняясь, и оставил врагов в тылу.

Эта вспышка детского национального фанатизма, вызванная благодушной обывательской идиллией, перенесла божественно-пустое в сферу человеческих отношений... сообщило... образу подростка масштаб, заставляющий относиться к нему не по годам серьезно» (Пер. Н. Ман) [2. С. 263].

Так на первый взгляд незначительное событие демонстрирует присущую эпохе межнациональную рознь. Чтобы переводчик мог понять важность этого эпизода, ему нужно разбираться в мировой истории, знать о разделах Польши, о ряде восстаний, о русификации в годы правления последних русских императоров и, желательно, иметь представление о дальнейшей истории этой страны.

Помимо знания политической ситуации в мире начала 20 века и её причин, перевод новеллы требует определенных знаний по истории Венецианской республики, Германии, в области немецкой литературы. Не обходится без знакомства с жизнеописанием Фридриха Прусского: несколько раз упоминается эпопея о нём Ашенбаха, за которую ему пожаловали личное дворянство. «Ашенбах ставит себе в образец Фридриха Второго... потому что его... «любимое слово» – «продержаться» (durchhalten), и Фридрих Второй для него – олицетворение, а собственная работа над романом – апофеоз этого слова-приказа, которое казалось ему символом добродетели, не дающей себе поблажек...» [7. С. 15]. «...Он страстно хотел дожить до старости, так как всегда считал, что истинно великим, всеобъемлющим и по праву по-

читаемым может быть только то искусство, которому дано было плодотворно и своеобразно проявить себя на всех ступенях человеческого бытия» [2. С. 247–248]. Последняя фраза отсылает к таким гигантам, как Гёте, поэт с историей, по выражению М.И. Цветаевой: «нет предела ни силам, ни пути!» [8. С. 77]. Волей случая он, как известно, частично подсказал сюжет «Смерти в Венеции». Гёте занимает важное место в художественном мире Т. Манна (см. «Лотта в Веймаре», «Гёте и Толстой»). Работая с абзацем, в котором дается оценка творчеству Ашенбаха в зрелые годы, переводчик встречает предание о Людовике XIV. Для передачи впечатления, вызываемого заглавным городом, рассказчику, будь то писатель или переводчик, необходимо знать прошлое города и разбираться в его памятниках архитектуры: «...die leichte Herrlichkeit des Palastes und die Seufzerbrücke, die Säulen mit Löw' und Heiligem am Ufer, die prunkend vortretende Flanke des Märchentempels, den Durchblick auf Torweg und Riesenuhr...» [1. S. 18].

Пер. Н. Ман: «...воздушное великолепие дворца и Мост Вздохов, колонну со львом и святого Марка на берегу, далеко вперед выступающее пышное крыло сказочного храма и гигантские часы в проеме моста над каналом» [2. С. 254–255].

Новелла имеет несколько глубоких культурных уровней, что усложняет работу с ней. Интерпретировать следующее за обостренностью чувства красоты упрощение мира и души, конфликт познания и морали в свете «непристойного психологизирования века» (гл. 2) и связать последний с «Федром» может лишь тот, кто глубоко знает историю культуры. Личность Т. Манна в значительной степени сформировалась под влиянием трудов Ф. Ницше и А. Шопенгауэра, хотя он «ничего не принимал на веру», соответственно, переводчику нужно иметь философскую подготовку.

В заключение можно подчеркнуть: круг вопросов, обязательных для рассмотрения в процессе перевода новеллы, обширен, что доказывает её глубину и неоднозначность. На небольшом пространстве произведения встречаются несколько эпох, философские размышления и множество отсылок к произведениям мировой литературы.

Литература

1. Манн Т. Смерть в Венеции и другие новеллы: Книга для чтения на немецком языке. СПб. : Антология, 2005. 160 с.

2. Апт С.К. Избранник ; Новеллы ; Статьи : [пер. с нем.] / Томас Манн ; [сост., вступ. ст. и коммент. С. Апт]. М. : Олма-Пресс, 2005. 541 с.
3. Томас Манн: Смерть в Венеции [Электронный ресурс] / Геворкян М. [М.?] : Сноб Медиа, 2017. URL: <https://snob.ru/entry/150953/>, свободный. Загл. с экрана.
4. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890–1907. 24 см. Т. 35: Усинский пограничный округ – Фенол. С. 1902. 476, [4] с. : ил., цв. карт.
5. Гомер. Одиссея / пер. В.В. Вересаева. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1953. 318 с.
6. Свердлов М. Миф в XX веке: Томас Манн // Литература-Первое сентября. 2004. № 9. С. 23–25.
7. Апт С.К. Над страницами Томаса Манна. М. : Сов. писатель, 1980. С. 15.
8. Цветаева М.И. Поэты с историей и поэты без истории // Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5, кн. 2: Статьи. Эссе. Переводы. М. : Терра, 1997. С. 75–106.

Е.С. Руфова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

Язык и общество: духовные истоки становления якутской письменности^{*} Language and society: spiritual origins of formation of the Yakut literature

Вопросами возникновения письменности якутского языка в разное время занимались многие ученые, рассматривая этот вопрос как с точки зрения истории Якутии, так и якутского языкознания.

Известный якутский ученый Г.Г. Филиппов выделяет три основных периода изучения якутского языка. Первый период существования якутского языкознания, который охватывает конец XVII века и середину XIX века, характеризуется достаточно стихийным характером возникшего интереса ученых к якутскому языку. Все исследования данного периода проводились, в первую очередь, в историко-сравнительном аспекте, к тому же первыми исследователями были российские ученые, не являющиеся сами носителями якутского языка. Второй период – первая треть XX века – характеризуется более

^{*} Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00467.